

ДРУЖБА НАРОДОВ

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

1
Январь
1962

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Статью

И. КЭБИНА «По пути всестороннего
сближения наций»

Повесть

Л. СЕРПИЛИНА «Пора весенних
ветров»

«Проблемы жизни»

Ю. ПОЛУХИН и Ю. СБИТНЕВ
«Человек на стройке»

Пусть пылают поленья,
треща и звеня,—
Подложи-ка еще, сердце просит огня!

(Перевод Н. Грудининой)

Человеческое счастье поэт уподобляет весеннему соку берез, любимую сравнивает с оттепелью. Да, это стихи таежника, сроднившегося, слившегося с окружающей его природой, в которой он чувствует не столько суровость, сколько светлую красоту:

Ветер родился,
Ветер вздохнул.
В облаке снега
Путь утонул.
...Ветер, дорогу
Девушке Насте!
Это народ мой.
Мчится за счастьем.

(Перевод Н. Грудининой)

Поэтические удачи чаще всего ждут Шесталова на пути предельно зримой конкретизации образа. Песни несутся «быстрой копыт оленьих». Для своей девушки поэт готов «солнце с крутой высоты достать арканом». «Кричит ребенок тоненько: не крик — визжащий ножичек».

Стрелы сатиры — и те шесталовские, северные: сплетня скачет «словно белка по деревьям», скользкая душа — это «пенно-слизистый налим, длиннохвостый подхалим»...

Однако самобытный голос поэта иногда звучит очень приглушенно. И думается, ви-

новаты в этом переводчики. В некоторых переводах трудно не только уловить дух и стиль подлинника, но просто пробиться к содержанию стихотворения, так косноязычно «выглядит» оно в русском переводе. Вот, например, как «расправился» В. Цыбин со стихотворением «Рыбачка»:

...У ней то ли веселье,
то ль солнце на щеках.
Сверкая чешуею,
она потупит взор:
с отрезанной косою
ты любишь до сих пор...

В переводе Вс. Рождественского потускнел и даже приобрел комическое звучание характерный для поэта образ-символ:

...народа сердце, как береза,
Расцветая, гонит сытный сок.

Подобных примеров не так уж мало. Несомненно сказывается привлечение к переводу стихов многолюдного коллектива переводчиков: у дитяти оказалось даже не семь, а четырнадцать няnek. И это в небольшом сборнике.

И все же, вопреки примешанному кое-где дегтю, главное, что остается после прочтения сборника «Огонь на льду» — это незабываемый вкус северного поэтического меда. И гордость за страну, где, по выражению Р. Гамзатова, поэт может любить свой «маленький народ» как сын большой державы».

Б. КОМАНОВСКИЙ

ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ

Алексей Карпюк. Данута. Повесть. На белорусском языке.
Минск. Государственное издательство БССР, 1960

В студенческом обществе часто приходится видеть на тумбочках книгу, озаглавленную звучным женским именем «Данута». Это повесть молодого белорусского прозаика Алексея Карпюка. Помните, студенты литератур-

ного факультета Брестского пединститута проводили по ней диспут. По мнению молодых читателей, «Данута» интереснее, чем первая повесть этого автора «В одном институте». То была художественная

хроника их жизни, но ведь радость самознания не исчерпывает всех возможностей, заложенных в эстетическом переживании... Хотелось чего-то большего. «Данута» принесла это большее, заинтересовала, взволновала молодежь. И это не случайно. У повести Алексея Карпюка свои история и предыстория.

Автор ее — крестьянский парень родом из-под Белостока. В годы, предшествующие воссоединению Западной Белоруссии с Советской Белоруссией, он прошел большую школу комсомольского подполья. Когда гремела война, был в партизанах. Рассказывая историю Янки Бартошевича, в какой-то мере автор вспомнил и свою судьбу. Но это,

разумеется, не автобиография. Именно типизации образов подчинил свои усилия прозаик, дорабатывая произведение после того, как оно появилось в гродненском областном альманахе «Неман».

Уже в первой редакции главный герой повести Янка Бартошевич был заявлен как интересный характер. Образ привлекал своей колоритностью, но вместе с тем ему не хватало обобщенности и развития во времени.

В последней редакции Бартошевич ожил. Значительно увеличилась дистанция между Бартошевичем-персонажем и Бартошевичем-рассказчиком. Правильно найденное соответствие между героем и рассказчиком способствовало углублению восприятия и отображения жизни в произведении.

Но главное, заметнее, значительнее и громче зазвучало в повести то, что было ее внутренним стержнем: романтика революции, подполья, романтика борьбы за Советскую власть, то, что всегда привлекает внимание каждого нового поколения советской молодежи. Ведь именно эта романтика борьбы влекла к себе сердца молодых читателей Н. Островского, А. Фадеева, В. Лациса.

Их герои — не хладнокровные, бесстрашные аскеты от революции. Им свойственны тревоги и волнения молодости, радость и горечь первой любви, радость узнавания мира. Именно эта человечность героя, дающая возможность читателю как бы «примерить по себе» его судьбу, обусловила, как нам кажется, успех молодого белорусского прозаика.

Мужицкий сын Янка Бартошевич одержим любовью к свободе, которой был лишен его народ, трудовой народ Западной Белоруссии. Он близко к сердцу принимает беды и несчастья своего класса. Поняв, что паны поработают его народ не только силой власти, но и силой идеологии, Бартошевич подростком отправляется в Вильно, чтобы подготовиться к идейной борьбе с угнетателями.

Он еще совсем молод и неопытен. В деревне его не успели принять в комсомол, но среди комсомольцев он оказался своим человеком. Идеал Янки Бартошевича — человек, по которому он постоянно равняется, погибший в полицейском застенке секретарь подпольной комсомольской ячейки Степан Романович.

«Но не будет живой правды в моем рассказе,— предупреждает автор,— если я буду выставлять себя только идейным и не признающимся в своих ошибках...»

По Вильно Янка ходит, словно Садко по подводному царству. Все здесь обманчиво и сложно. В этом городе социальных противоречий Бартошевич получил суровую закалку и тела и духа, не закалилось только сердце...

У Янки душа художника. Ему свойственны неукротимая любознательность и эмоционально-активное отношение к жизни. Мир для него состоит из прекрасных или уродливых вещей, иных не бывает. Между, отделяющую эти два царства, он проводит своеобразно: под влиянием крестьянского практицизма в разряд прекрасного зачисляет вещи попросту полезные, нужные людям труда, «праведные вещи» и, напротив, явления, которых он не понимает и не может назвать полезными, низвергает в ад безобразного.

Карпюк любит писать густо, контрастно; в данном случае эта черта его таланта хорошо подошла характеру главного героя повести Янке Бартошевичу. Бартошевич так именно видел мир, и это порой определяло его довольно неожиданные поступки. Скорый в решениях парень верит, что уже отделил прекрасное от безобразного. Остается только уничтожить последнее. И со всем пылом молодости Янка Бартошевич бросается в бой со старым миром.

Вот перед ним один из первых встретившихся ему в Вильно «сильных мира сего», ксендз-францисканец, воспитатель католического интерната.

«Передо мной,— вспоминает Янка,— сидел симпатичный интеллигентный человек... Карие глаза смотрели на меня смело и умно... Непосредственные и свойские манеры этого человека вызвали меня на откровенность».

Наивный Янка задает ксендзу прямой вопрос: «Как это вы, образованный человек, в наше время можете посвятить свою жизнь делу, которое не имеет никакой перспективы!.. Наука об экономике говорит, что выход не в том, к чему вы призываете людей... Людей нужно поравнять, сделать всех богатыми...»

Но спора не получается. Ксендз опытный софист: «А известно ли вам, что на свете есть еще зависть, ревность, стремление к власти и это все так же живет между людьми. Имеет это влияние на человека? Так вот, уважаемый, не через нивелировку и бунтарство следует нам идти. Необходимо помогать церкви, необходимо очистить лю-

дей от этих природных грехов, а тогда уже строить им хрустальные замки...»

Первый «бой» в Вильно окончился поражением Янки. Он не нашел, что ответить ксендзу... Нет, не в одиночку надо бороться — это понял Бартошевич. И вот мы уже видим его во дворе университета, где он вместе со студентами разгоняет фашиствующих господских сынков. Вот он вместе с комсомольцами Вильно разбрасывает по городу листовки...

Правда, эти эпизоды не занимают основного места в рассказе о жизни Янки Бартошевича.

Здесь следует несколько слов сказать о композиции повести. Она резко делится на две разные и по материалу и по стилю книги: в первых двух частях ее, там, где идет речь о жизни героя в Вильно и о его любви к Дануте, подробный рассказ о событиях, в третьей части повести, когда Карпюк повествует о Бартошевиче-партизане, бешеный галоп, кинематографическое мелькание эпизодов.

К сожалению, здесь слишком много того, что уже хорошо знакомо читателям по десяткам других произведений о войне в тылу врага.

Среди описаний партизанских операций, как-то затерялся рассказ о Дануте, рассказ о любви Янки Бартошевича.

Лишь изредка всплывает это имя на страницах книги. Слишком долго остается Данута за пределами повествования, и поэтому, например, так неожиданно, неубедительно немецкая переводчица Данута (после встречи с Янкой, чуть было не застрелившим ее заодно с предателем-полицаем) встает на путь борьбы с оккупантами, помогает спасать советских людей.

Да, к сожалению, в третьей части мы уже почти не встречаемся с Данутой. А ведь именно в мягком, лирическом рассказе о любви Янки и Дануты заключается обаяние книги Карпюка, через эту любовь раскрывались сокровенные черты характера ее молодого героя.

Янка случайно увидел дочь польского генерала Дануту. И как-то исподволь возникла любовь.

Влюбленный фанатик страдал, давал уроки, нарушал их, презирал себя, учился господствовать над чувством, куражился. По счастью, мягкая ирония рассказчика, смотрящего на себя с высоты прожитых тревожных лет, позволяет понять искреннюю наивность поведения героя.

Бартошевич романтик по натуре и реалист в силу воспитания, Данута как раз наоборот: практична от природы и романтична по воспитанию. Она девушка дельная, энергичная и, как все морально здоровые люди, добрая. Только эти задатки приглушены жизненными обстоятельствами. Дануту привлекает в Янке его неукротимая любовь к жизни, стремление к подвигу, его откровенная любознательность, его непосредственность, наконец его, хотя и небольшой, но совсем иной, чем у Дануты, жизненный опыт. Он знает о таких вещах, о существовании которых она даже не подозревала. Не подозревает Данута и того, что всеми этими сведениями и умениями Бартошевич обязан не своему характеру, а положению в жизни. Там, где он рос и познавал мир, трудно добывались знания, но зато не существовало никаких запрещающих табу. Человеку разрешалось знать все. И он знал многое, умел и делал многое, чему научила его жизнь.

Дружба с Бартошевичем помогает Дануте найти самое себя. Но происходит это медленно, более медленно, чем хочется влюбленному. Ее действительно слишком многое связывает с ненавистным Янке буржуазным обществом. И вот мелкие недоразумения, помноженные на вековую вражду угнетаемых и угнетателей, каменной стеной встают между ними в тот момент, когда они оба готовы были пойти навстречу счастью. Их счастье...

Данута трагически погибла в фашистском застенке. Об этом узнает Бартошевич много лет спустя по письму, которое она написала ему перед смертью.

Лишь после тяжелых испытаний войны герой приобретает ту мудрость суждений, которая позволяет ему понять, что не он и не она были виноваты в том, что счастье не состоялось.

Он и его друзья, погибшие и живущие, расчистили путь к счастью новому, советскому, молодому поколению. Всей своей книгой автор как бы говорит сегодняшним юношам и девушкам:

«Положен предел вражде и кривде. Теперь счастье в ваших возможностях, молодые люди, умеете его находить в любви, дружбе, труде. Пусть эта история живет в памяти и учит вас ценить счастье. Наше счастье».

В. КОЛЕСНИК

Брест